

# ЗАПИСКИ

## КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

---

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

## Арабские элементы в башкирском языке

Соотношение арабского языка с турецкими в широком смысле выходит из обычных рамок языкового взаимодействия. Здесь мы имеем не внешнее напластование арабской лексики на исконный словарь турецких языков, а процесс, более глубокий и более органический. Арабские элементы являются одним из корней для целого ряда ново-турецких языков; для них организующую роль арабского языка можно сопоставить, например, с той ролью, которую играл в деле формации турецких языков огузский элемент, кыпчацкий элемент и т. д. Поэтому, если по ходу истории арабский язык не может быть уподоблен латинскому, на основе которого развились романские языки, то вполне можно сказать, что для некоторых турецких языков арабская основа явилась не менее органической, чем, например, романская основа в образовании ново-английского языка. Отсюда проистекает вывод, существенный для классификации турецких языков. На основании столь важного фактора, как арабизация языка, их можно разбить на две группы: арабизованных и неарабизованных. Территориально языковое деление будет почти совпадать с историко-культурным, где в качестве *principium divisionis* будет выступать религиозно-бытовая арабизация (ислам); тем не менее, в отдельных случаях, зона арабского языкового воздействия идет далее зоны религиозно-бытового влияния: лексические арабизмы обнаружены у тех турецких народов Сибири, где не может быть речи об интенсивном влиянии арабской культуры вообще. Поразительна та мощность, с какой арабская языковая стихия накладывала свой чеканный отпечаток на полусформировавшиеся турецкие диалекты: религия, государственность, литература — все это развивалось на

основе арабского языка. Таким образом с момента распространения ислама в Передней и Средней Азии турецкие языки этих зон (а позднее: Крыма и Поволжья) пошли по иному пути развития, чем турецкие языки, оставшиеся вне мусульманского влияния. При этом мусульманская культура (а следовательно и арабский язык) влияла на определенный турецкий народ и язык тем интенсивнее, чем глубже этот турецкий народ усваивал религию ислама, чем шире сносился с чисто мусульманскими государствами и чем ближе подходил его политический строй к нормам и практике этих государств. Известно, что процесс «исламизации» турецких племен был не везде одинаковой силы. Давно и основательно втянутая в орбиту мусульманской культуры, Турция явилась типичным образцом мусульманско-турецкого государства в противоположность «плохим мусульманам» из турок, каковыми были живущие на периферии башкиры и казàки, сравнительно поздно и поверхностно усвоившие ислам. В среде турецких племен, подверженных исламу, произошла таким образом глубокая дифференциация социологического порядка: оседлость, начала государственности мусульманского типа, ислам и мощное влияние арабского языка у одних рельефно оттеняло кочевой образ жизни, племенную организацию и неглубокое усвоение ислама и арабского языка у других. Если, по ходу истории, арабский язык вступал в симбиоз с представителями нескольких языковых семей, то взаимоотношение арабских и турецких диалектов в их различных стадиях представляет одну из наиболее интересных картин этого рода, привлекающую внимание арабиста и, особенно, турколога.

Проблема арабско-турецкого языкового взаимодействия занимала многих в древние и новые времена. Не давая полного перечня (что надлежит сделать в специальной работе), назовем только два имени выдающихся туркологов разных эпох — Махмуда Кашгарского и П. М. Мелиоранского. В османистике имеются исследования М. Bittner'a и К. Fouy'a, которые освещают один большой сектор этой проблемы — взаимодействие арабского языка и языка Турции. Так как этот последний нельзя изучить, не зная арабского, то все османские грамматики, составленные европейцами, включают, как известно, совершенно необходимый отдел об арабских элементах в аспекте морфологии и, отчасти, лексики. Лексике и семантике их уделяют большое внимание полные турецкие словари. Тем не менее, настоящая проблема (как и всё в османистике и в туркологии) нуждается в дополнительной капитальной разработке.

Гораздо меньше сделано (вернее: почти ничего не сделано) на других секторах проблемы: арабско-татарском, арабско-узбекском, арабско-казацком, арабско-башкирском. Это зависит и от слабой изученности названных только что турецких языков и от того, что арабское влияние было здесь все-таки слабее, чем в Турции. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что специальных работ на эту тему нет совершенно, а имеются только отдельные указания по частным пунктам, к тому же никем не приведенные в систему. А между тем эти области представляют несомненный интерес, так как некоторые из названных языков действуют более радикально в части звуковой и смысловой обработки арабизмов, чем османский язык, относящийся к ним наиболее бережно. Так, известно, что в казацком языке подверглись фонетическому изменению даже такие священные для мусульманина слова, как *الله* и *ملا* т. е. *мولا* (مولا), звучащие здесь: *Алда, молда*.

Обращаясь к истории башкирских арабизмов, необходимо отметить один факт, чрезвычайно существенный, для истории башкирской культуры вообще. Это — тесная связь, или вернее, полное растворение башкирской культуры известного периода в поволжско-татарской. Детальные бытовые различия между поволжскими татарами и башкирами, естественно, существовали всегда так же, как и различия в диалектах; тем не менее все элементы цивилизации и все моменты эволюции культуры долгое время приходили к башкирам исключительно через татар. До 1920 г. не существовало башкирских школ, литературного языка и литературы; грамотные башкиры получали татарско-мусульманское образование и становились адептами татарской культуры. Башкирский язык находился в положении бесписьменного диалекта, который обслуживал интересы безграмотной части населения. Таким образом древнейшая история башкирских арабизмов сливается с историей татарских, тем более, что хронологию арабизмов, вошедших в чисто «народную» башкирскую среду, в точности определить нельзя. Гораздо легче установить ту категорию арабизмов, которая была усвоена всем башкирским языковым коллективом, в противоположность той, гораздо более многочисленной, которая осталась достоянием грамотной части башкирского и татарского населения. Другими словами, здесь действует тот же закон дифференциации варваризмов, о котором (применительно к башкирскому языку) мы уже говорили в статье «Варваризмы в башкирской речи» (ЗКБ, IV). Таким образом мы различаем две

категории башкирских арабизмов - лексем: 1) активный словарь арабизмов, который наблюдается, как нечто органическое, в живой речи современных башкир (названия, собственные имена, религиозные и некоторые бытовые термины), 2) пассивный словарь арабизмов, который потенциально понятен всему башкирскому языковому коллективу, но которым, в полной мере, пользуются лишь отдельные лица, работающие над созданием башкирского литературного языка. Первая категория отражает языковую норму, действительную или для башкирского языка в целом, или для его диалекта, вторая — точку зрения, вкус и начитанность индивидуального автора. В первой больше единства, категоричности, закономерности; во второй больше противоречия, обусловленности и случайности. Первая мало подвижна: она уже не пополняется вновь, так как время интенсивного влияния ислама на башкир уже прошло; вторая — изменчива, текуча и может оживать и расширяться по воле отдельных лиц. В литературном языке идет, как известно, жестокая борьба варваризмов. Жизнь требует создания новой терминологии, и здесь башкирский язык мог бы черпать только из двух источников: арабского и русского. По первому пути пошли, например, азербайджанцы, как народ, более глубоко усвоивший арабско-мусульманскую культуру; в башкирском же языке дело закончилось решительной победой руссизмов, которыми обозначаются все новые понятия. Можно сказать, что в башкирском языке дальнейшее развитие арабских элементов приостановлено решительно и, повидимому, навсегда (см. ЗКВ, IV, *op. cit.*). Тем уместнее взглянуть на этот, ныне закончившийся процесс с исторической точки зрения, хотя из хронологических рамок его нам в точности известна лишь последняя (момент завершения процесса).

Что касается первой стадии этого процесса, иначе говоря, «татарского» его периода, то последний должен найти освещение в специальной работе на тему о влиянии арабской культуры (и языка) на татар. Когда эта важная тема будет разработана надлежащим образом, то тогда вскрыется много интереснейших деталей по арабизмам, при чем, в силу изложенного, полученные выводы будут обязательны и для башкирских арабизмов дореволюционного периода. Последующая стадия должна рассматриваться отдельно; она и составляет предмет настоящей статьи.

В виду невозможности анализировать здесь обширнейший конкретный материал по башкирским арабизмам хотя бы одной второй стадии, мы ограничимся рассмотрением основных фонетических категорий. В виду того, что

статья по необходимости носит предварительный характер, вопросы семантики, требующие детальных дополнительных изысканий, в ней будут затронуты вскользь. Арабское влияние на башкирскую морфологию и синтаксис при нынешнем состоянии материала учету не поддается. Для того, чтобы вкратце охватить арабизмы как активного, так и пассивного типа, мы изучили ряд различных по своему характеру литературных образцов, авторы которых принадлежат к числу видных башкирских стилистов и педагогов; на ряду с этим приняты в расчет показательные для говора широких масс диалектологические тексты, собранные во время лингвистической экспедиции 1928—1929 гг. Территориально эти тексты охватывают северозападную половину Тамьян-Катайского (основной говор) и Мясогутовский кантон (татаризованные говоры). Знание арабского языка у населения слабое;<sup>1</sup> отсюда арабизмы религиозного характера (названия и имена) преобладают над арабизмами — нарицательными словами, так как в обыденной жизни влияние школ и мулл было слабее. Литературные арабизмы даны по новой башкирской орфографии источника; диалектические — приведены в той транскрипции, которая принята для современных башкироведческих работ. Для арабского языка исходным пунктом признаются классические формы, которые проникали к башкирам через ислам.

Вот перечень башкирских источников и сокращенное обозначение их, принятое в цитатах:

- 1) د. بولتى — ھەزرىكى باشقۇرت نەفيس ئەدەبىياتى ھەم ئانك ئىرادى 1) بولدارى.

(Д. Юлтый. Современная башкирская литература и ее творческие пути. Уфа, 1929) [=Ю].

- 2) ع. فەھرەتدېنڧ ، س. مىراس — باشقۇرت تارىخى (sic!)

(Г. Фахретдинов и С. Мирясов. История башкир. Уфа, 1927) [=Ф].

- 3) ع. فەھرەتدېنڧ — باشقۇرتوستان يەئەرفىيەھى.

(Г. Фахретдинов. География Башкирии. Уфа, 1927) [=Фг].

<sup>1</sup> Однако известны тамги под названием «даль» (د) и «два элифа».

4) ع. عيسيه تى — باشقورتۇستاندى ئېقتىسادى به عرافيه هۇ

(А. Гисматуллин. Экономическая география Башкирии. Уфа, 1928) [= Г].

5) Z. Şakirǵf, Ş. Surajǵf. — qamalı başqort tele dāreslege.

(З. Шакиров и Ш. Чураев. Практический учебник башкирского языка. Уфа, 1929, 2-е изд.) [= Ш].

6) Отдельные комплекты газеты «باشقورتۇستان» и журнала «بلم».

7) Диалектологические материалы, собранные Лингвистико-фольклорным подотрядом Башкирской экспедиции Академии Наук (цитируются в специальной латинской транскрипции; в скобках указывается место записи).

Если брать за исходный пункт арабский язык, то прежде чем анализировать конкретные башкирские арабизмы, необходимо указать на их крайне произвольную орфографию. Тот факт, что при заимствовании иностранные слова меняют орфографию, хотя бы их передавали прежним алфавитом, — сам по себе ничего исключительного, конечно, не представляет. Но при математичности арабского языка, при его «трехбуквенности корня» и строго канонизованной орфографии, передавшейся во все языки, стоящие на основе арабского алфавита, — факт этот требует оговорки, так как без нее многие начертания башкирских арабизмов были бы арабисту с первого взгляда непонятны. То же правило распространяется на все турецкие языки, реформирующие алфавит,<sup>1</sup> при чем реформа эта, вводящая последовательное изображение на письме гласных, разбивает единство в начертании арабизма, так как в основе ее всегда лежит местная фонетика.

Вот некоторые примеры: تجربه < ар. < ته ژريبه < وظيفه < ар. < وازينا < ар. < سيفات < ар. < مستقل < ар. < مؤسته قيل < ممکن < ар. < مؤمكن < بعض < ар. < به عزى < ар. < حازينا < عبارت < ар. < عيارهت < نظر < ар. < نازار < طرف < ар. < تاراف < صفت < ар. < مطبوعات < ар. < ماتبوعات < حتى < ар. < هتنا < جماعت < ар. < به مامعت < (sic!) < خزينه < ар. < حه بهر < كيف < ар. < كه ينى < ضعيف < ар. < زه عيف < الله < ар. < ئاللا

<sup>1</sup> Разумеется, вопрос отпадает, как только тот или другой язык становится на платформу латинского алфавита.

مَادِي < ar. < مَانْدِي; خطا < ar. < حاتا; عادت < ar. < عهذت; أما < ar. < ئەمما;  
 حالق < ar. < و، حالاً < ar. < وهالهن; مقصد < ar. < ماقسات; فرصت < ar. < فُورسات;  
 مانتىق < ar. < تصوير; سياست < ar. < سهيهست; أجل < ar. < ئەژهل; خلق < ar. < صبر;  
 هابر و ثابر < ar. < امضاء < ar. < ئيمزا; فقط < ar. < فهقهت; منطق < ar. < <  
 ئەذهبيات; حاصل < ar. < حاسيل; ميراث < ar. < ميراس; طلب < ar. < تالاب;  
 عهزب < ar. < ابن فضلان < ar. < ئيبين فُوزلان; ذو القرنين < ar. < زولقهرنهي; ادبيات  
 مملكت < ar. < مەملەكەت; ملت < ar. < ميللت; بغداد < ar. < باعداد; عرب < ar. <  
 خراب < ar. < حاراب; خاصيت < ar. < حاسييهت; نسب < ar. < نەسەب; نسل < ar. < نەئل;  
 محتاج < ar. < مۇحتاج; صورت < ar. < هورەت; ظلم < ar. < ذُولم; مسلم < ar. < مۇسولمان;  
 قابول < ar. < مقصود < ar. < مەقسوت; مقدس < ar. < مۇقەندەس; مخصوص < ar. < ماحسوس;  
 ئىزارا < ar. < شرط; تصديق < ar. < تاسديق; جواب < ar. < ياواب; قبول < ar. < <  
 مراجعت < ar. < مۇره ژهعهت; قطعى < ar. < قهنعى; اصل < ar. < ئائل; اداره < ar. < <  
 معنى < ar. < مەعنە; اعضاء < ar. < ئەعزا; مدّت < ar. < مۇددەت; يكون < ar. < يەكون;  
 بهدەس < ar. < اهميت < ar. < ئەهەمىيەت; وسطه < ar. < واسيتا; خام < ar. < حام  
 بحث

Еще более затрудняют этимологизацию арабизмов противоречия в написании одних и тех же слов, что часто бывает у одних и тех же авторов или на той же странице. Примеры: < هابر و سابّر، ثابر، هورەت و سورەت < ar. < صنعت < ar. < سەنەعەت و سەنەعت; تنقيز < ar. < تەنقىز و تەنقىت; صبر < ar. < < ئىزارا و ئىدارە، ئىدارا; ساعت < ar. < سەغەت و ساعەت; معنى < ar. < مەعنە و مەعنا;  
 ادبيات < ar. < ئەذهبيات و ئەذهبيات; شبهه < ar. < شوبهه و شوبهه; اداره < ar. < <  
 ظلم و ت. د. < ar. < ذُولم و زُولم; وعدہ < ar. < وهعهذه و وهعهده; اسم < ar. < ئىشم و ئىسم

Как видно из приведенных примеров, в башкирском (как и во всех турецких) нет звуков, соответствующих арабским ص، ض، ط، ظ، а арабские знаки ح و ع употребляются башкирами в ином значении (о соотношении арабских ث و ذ с башкирскими см. ниже).

Обратимся теперь к детальному рассмотрению арабо-башкирских фонетических соответствий. Наша задача состоит здесь в том, чтобы установить, какие рефлексy давал на башкирской почве тот или иной первоначальный арабский звук.



Что касается гласных, то башкирами, как и естественно, было утрачено различие арабских долгот;<sup>1</sup> кроме того, по обще-турецкому закону сингармонизма происходили иногда вторичные изменения в ряде гласных. Иногда эти изменения, впрочем, имели место без достаточных фонетических оснований, как в слове *سُنَم* < ар. *صَنَم*. В значительном ряде случаев первоначальное арабское *a* (краткое и реже — долгое) было заменено у поволжских татар через *ä*, а у башкир через *ε*, в транскрипции изображаемое знаком *e*. Здесь, повидимому, отразилась тенденция ново-арабских диалектов к замене классического *a* через разные виды *e* в зависимости от окружения согласных; таким же образом объясняется этот факт в османском языке, где *a* сохранялось лишь по соседству с ح 'ع' غ и «эмфатическими» согласными. Примеры:

حال (Ю) < ар. *نهفست* (Ю) < ар. *نفاست* (Ю) < ар. *سهفست* (Ю) < ар. *حاجت* (Ю) < ар. *حهزت* (Ю) < ар. *فقط* (Ю) < ар. *فهقت*; *قَدَر* (Ю) < ар. *قهدهر*; *سياست* (Ю) < ар. *عهيروت*; *حركات* (Ю) < ар. *حهروهكت*; *معلوم* (Ю) < ар. *مهعلوم*; *غَيْرَت* (Ю) < ар. *عهرهت*; *دولت* (Ф) < ар. *دهولت*; *معبود* (Ф) < ар. *مهعبود*; *عرب* (Ю) < ар. *مهعرب*; *مناسبت* (Г) < ар. *مونهسهبت*; *قطعی* (Г) < ар. *فهنعی*; *هَلَك* (Г) < ар. *ههلهك*; *دقت* (Г) < ар. *دیفقهت*; *محكمه* (Г) < ар. *مهحكمه*; *يكون* (Г) < ар. *بهكون*; *صناعت* (Г) < ар. *سهناعет*; *محصولات* (Г) < ар. *مهحصولات*; *معنى* (Г) < ар. *مهعهنه*; *gedet* (Юнусово) < ар. *عادت*; *qelem* (Мусят) < ар. *قلم*; *hisepteke* (Мусят) < ар. *بعض*; *qebir* (Ильтей) < ар. *قبر*; *beg(i)zi* (Месит) < ар. *بعض*.

Первоначальное арабское *a* сохранилось в следующих отмеченных случаях: *ثابرهز* (Ю) < ар. *وحوالهنگی*; *تالاب* (Ю) < ар. *طلب*; *سابر* (Ю) < ар. *قابول*; *قابر* (Ф) < ар. *حاراب*; *صبر* (Ф) < ар. *شيطان* (Элике) < ар. *صبر*.

Кроме того, следует отметить появление специфически башкирских звуков *ø* и *ø*<sup>2</sup> на месте арабского *u* (*ü*) в зависимости от заднего или переднего вокализма данного башкирского слова.

<sup>1</sup> Известно, что и в других турецких языках (исключается в некоторых отношениях туркменский) старательное отенение арабских долгот или замена их полудолготой служит признаком «образованной» речи. См. например, ЗКВ, III, 438.

<sup>2</sup> См. JA, 1927, 208—211.

Что касается системы согласных, то здесь весьма существенно слияние арабских ع и غ в одном звуке غ, который по новой башкирской орфографии пишется через ع, так как арабская фонема ع у башкир отсутствует. Замена ع в виду его трудной артикуляции через غ типична для поволжско-татарск., башкирск. туркменск., и казачк. языков. Примеры: به عزی (Ю) читается: *begzi* < ар. بعض; عایت (Ю) читается: *gajet* < ар. غایت; عیاره (Ю) читается: *gibaret* < ар. عبارات; ماتبوعات (Ю) читается: *matbugat* < ар. مطبوعات; معاریف (Ю) читается: *megarif* < ар. معارف; ئیعتیبار (Ю) читается: *igtibar* < ар. اعتبار; شیعر (Ю) читается: *šigir* < ар. شعر; زهعیف (Ю) читается: *zegif* < ар. ضعيف; عالی (Ю) читается: *gali* < ار. عائله; عادی (Ю) читается: *gadi* < ар. معانا

<sup>1</sup> См. о. с., 212—213.

читается: *teğna* < ар. معنى; معلوم (Ю) читается: *teğlum* < معنى; معلوم (Ф) читается: *jeğm* < ар. يعنى; باعداد (Ф) читается: *bağdad* < ар. بغداد; عمسكر (Ф) читается: *gesk'er* < ар. عسكر; *təzтуотə* (Ш) < ар. مجموعہ; *ojetor* (Ш) < ар. عُمُر; *aozga* (Ш) < ар. اعضاء; *sənəojet* (Ш) < ар. صناعت; *məoğallim* (Ш) < ар. معلم; *sagat* (Элике) < ар. ساعت; *gedet* (Новый Картаул) < ар. عادت; *Gali* (Новый Картаул) < ар. علی; *tağana* (Мусят) < ар. معنى; *Garif* [с. и.] (Ильтей) < ар. عارف; *Gilman* [с. и.] (Ильтей) < ар. علمان; *beğzi* (Месит) < ар. بعض; *Gawn-ıt-dın* (Месит) < ар. عون الدين; *jemagat* (Месит) < ар. جماعت; *Gadılša* (Бишевзер) < ар. عادل شاه; *Gimad-ıt-dın* [с. и.] (Тапшево) < ар. عماد الدين; *Gala-ıt-dın* [с. и.] (Махмудово) < ар. علاء الدين; *Gubejdulla* (Дуван-Меситти) < ар. عبید الله; *Gizzet* [с. и.] (Яушево) < ар. عزت; *Mugaffa* [с. и.] (Яушево) < ар. معنى; *agzam* (Мидетово) < ар. اعظم; *gasker* (Ибраево) < ар. عسكر; *gazi* (Месит) < ар. غاز; *Gajsa* [с. и.] (Месит) < ар. عيسى.

Что касается замены *ع* через *غ* в начале слова, то собственные имена с арабским *عبد* чаще произносятся, как *ğabd*... Примеры: *Ğabđ-ıl-jabbar* (Мусят) < ар. عبد الجبار; *Ğabđ-ır-rafiq* (Ильтей) < ар. عبد الرفيق; *Ğabđ-ıl-gazi* (Месит) < ар. عبد الغازی; *Ğabđ-ıl-wahhap* (Месит) < ар. عبد الوهاب; *Ğabđ-ıl-weli* (Месит) < ар. عبد الولی Но: *Ağđ-ır-rafiq* (Ахуново) < ар. عبد الرفيق; *Ağđ-ır-rahman* (Месит) < ар. عبد الرحمان; ср. *Utman* (Месит) < ар. عثمان. Иногда встречаются параллельные формы: *Gajsa* [с. и.] < ар. عيسى, но *Ajsa* = Аисово (деревня) < ар. عيسى.

В виду трудной артикуляции *غ* (< *ع*)<sup>1</sup> он дает фонетический нуль (*y* образованных: хамзу) в начале слова; особенно часто это бывает в случаях диссимиляции: *Utman-Gali* < ар. عثمان علی [с. и. волости].

С исторической точки зрения важно отметить, что замена *ع* через *غ* поддерживалась традициями татарских школ, где учили такому произношению.

Если рассмотренная особенность присуща не одному башкирскому языку, то ему одному свойственна замена начального арабского *ع* че-

<sup>1</sup> Известно, что и чисто турецкие слова (кроме мимологических) обычно не начинаются с *غ*.

Примеры: *يُومُورِيهَت* (Ю) < ар. *جَهْوَرِيَت*; *ياوَاب* (Ф) < ар. *جَوَاب*; *jəthhyrejət* (Ш) < ар. *جَهْوَرِيَت*; *يَهَبَر* (Г) < ар. *جَبَر*; *يَهْدَوَهَل* (Г) < ар. *جَدَوْل*; *Ġaḥḍ-īl-jabbar* [с. и.] (Мусят) < ар. *عَبْدُ الْجَبَّارِ*; *Jəmal-ūt-ḍīn* [с. и.] (Месит) < ар. *جَمَالُ الدِّينِ*; *Jämal-ūt-ḍīn* [то же] (Ниже-Утяшево); *jawar* (Новая-Маскара) < ар. *جَوَاب*; *jəta kən* (Мусят) < ар.  $\sqrt{\text{جَمْعَه}}$ .

В связи с отмеченным положением станет понятна систематическая замена арабского *ḥ* через *ẓ* в середине и исходе слова.

Учитывая закон башкирской фонетики, по которому общетурецкое начальное *s* дает *h*, нетрудно объяснить случаи такого же перехода в арабских заимствованиях. Примеры: *هورت* (Ф) < ар. *صورت*; *Hölejman*\* (Дуван-Меситти) < ар. *سليمان*; ср. однако параллельную форму: *Sölejmen* (Ураково).

<sup>2</sup> Закон этот, вскрываемый фонетическими записями, в традиционной орфографии не отражается; там имеем  $\bar{c}$ .

Такое же колебание заметно в обработке первоначального арабского *ف*. На ряду с общераспространенной формой *fajda* < ар. فائدة, мы встречаем замену срединного *ف* через *p*, а начального — через *b*.<sup>1</sup>

Примеры: *bajda* (Бутаево-Шырышкы) < ар. فائدة; *bata* (Худайбердино) < ар. فاتحه; *pakir* [sic!] (Ахуново) < ар. فقير; *waqir* (Хуирово) < ар. وقف; *ɛ-lip* (Старая Маскара) < ар. الف; *Gapur* [с. и.] (Месит) < ар. غفور; *Abd-Gapur* (!) (Махмудово) < ар. عبد الغفار; *Hariz* (Старая Маскара) < ар. حافظ на ряду с *Hafig* (Азангулово). В слове *wafat* (Бишевзер) < ар. وفات замены не произошло.

Арабское *ق* в середине слова иногда отражается как *h*, например: *wahit* (Мусят, Месит, Махмудово, Азангулово) < ар. وقت [ср. однако: *waqit* (Бишевзер)]; *mahsut* (Ильтей) < ар. مقصود.

В отношении *ث* и *ذ* башкирский язык находится в более выгодном положении, чем остальные турецкие (кроме туркменского),<sup>2</sup> так как способен точно воспроизводить эти звуки; иногда, впрочем, соответствие нарушается.

Башкирское *ث* соответствует арабскому прототипу в следующих примерах: *meθhlen* (Ю) < ар. مثلاً; *miθal* (Ю) < ар. مثال; *neθtir* (Ю, Г) < ар. نهثير; *mirat* (Месит) < ар. ميراث; *Utman* (Бишевзер) < ар. عثمان; *Utman Gali* (общее употребление) < ар. عثمان علي.

В ряде случаев башкирское *ث* возникает нефонетическим путем на месте арабских *س* и *ص*, например: *θabrehz* (Ю) < ар. صبر; *neθl* (Ф) < ар. نسل; *netal* (Месит) < ар. نائل; *naql* (ФГ) < ар. اصل; *naqit* (Новый Картаул) < ар. ناقص; *ketip* (Новый Картаул) < ар. كسب; *θitθeb* (Г) < ар. حساب; *itεp* (Таишево) < ар. حساب; *inεm* (Ш) < ар. اسم; *itim* (Бишевзер) < ар. اسم; *itim* (Месит) < ар. اسم; *θitθili* (Ф) < ар. اسم. Надо заметить; что последняя форма имеет вполне закономерный вариант: *isim*.

Примеры, где на месте арабского *ث* стоит башкирское *س*: *θisbat* (Ю) < ар. اثبات; *miras* (Ю) < ар. ميراث.

Башкирское *ذ* соответствует арабскому *ذ* в следующем примере: *mθeddin* (Месит) < ар. مؤذن.

<sup>1</sup> В башкирском языке начальное *پ* всегда *پ* (JA, о. с., р. 239—240).

<sup>2</sup> См. об этом мою статью: Le Monde Oriental, XXIII, 1929, 40—47

Башкирское *ذ* стоит на месте арабских *ز*, *ض* и *ظ*: *ئەذرلەب*: *ظ* и *ض* (Ю) < ар. *حاضر* √; *هذرگی* (Ю) < ар. *حاضر* √; *ذولم* (Ф) < ар. *ظلم*; *xäder* (Ш) < ар. *حاضر*; *qada* (Юнусово) < ар. *قضا*.

Башкирское *ذ* стоит на месте арабского *د*, например: *عهذەت* (Ю) < ар. *عادت*; *فائدا* (Ю) < ар. *فائدة*; *قەذرلى* (Ф) < ар. *قذر* √; *ومعهذه لشب* < ар. *فائده*; *fajda* (Юнусово) < ар. *فائده*; *ئىزارا* (Фг) < ар. *وعدہ* √; *Medine* (Элике) < ар. *مدينة*; *gedet* (Новый Картаул) < ар. *عادت*; *Morad* [с. и.] (Ильтей) < ар. *مراد*; *Hadij* [с. и.] (Месит) < ар. *هادى*; *Bedr-üt-din* [с. и.] (Дуван-Меситти) < ар. *بدر الدين*; *Gadılša* [с. и.] (Арыево) < ар. *عادل شاه*; *Mir Hajdar* [с. и.] (Азангулово) < ар. *امیرحیدر*. Последние случаи объясняются тем, что иногда башкирское *ذ* возникает и на месте чисто турецкого *d* (см. JA, 1927, 229, 244).

В случае *Zu-l-kerneĵ* (Ихсаново) < ар. *ذوالقرنین* имеем *z* на месте арабского *ذ*; то же имеем в прилагательном *زاتى* (Ф) < ар. *ذاتى*.

Что касается видов *h*, то башкирский язык реагирует лишь на *о* и *г*; случаи с *г* приравнены к *г*, которое в новой арабо-башкирской орфографии изображалось через *ح* (sic!),<sup>1</sup> например: *هزмет* (Ю) < ар. *خدمت*; *حاتа* (Ю) < ар. *حاتا*; *хатире* (Ф) < ар. *خاطرہ*; *хам* (Г) < ар. *خام* пишется и произносится с таким же *г* = *ح*, как *حاسил* (Ю) < ар. *حاصل*; *xäder* (Ш) < ар. *حاضر*.

Отсутствие в башкирском звуков типа *ص*, *ض* и *ظ* и замена их через *с*, *з* и *т* (для *ض* и *ظ*) уже были освещены выше, когда приводились примеры на орфографическое изменение арабских слов.

В зависимости от башкирского диалекта арабское *ب* иногда дает спонантизованный звук особого типа, обозначаемый нами через  $\frac{b}{w}$ , например: *hej $\frac{b}{w}$ et* (Бишевзер) < ар. *هيت*; *ke $\frac{b}{w}$ ir* (Азангулово) < ар. *كبير*.

К особенностям турецких языков принадлежит, как известно, оглушение конечных звонких согласных в конце слова и слога; тот же закон распространяется и на арабизмы.

Примеры: *mäktäp* (Ш) < ар. *مكتب*; *tabijp* (Ш) < ар. *طبيب*; *xisap* (Ш) < ар. *اسباب*; *شوپه* (Г) < ар. *تسباب*; *مقصود* (Фг) < ар. *مقصود*; *حساب* (Ю) < ар. *شبهه*; *Muhammet* (Новый Картаул) < ар. *محمد*; *hisap* (Ахуново) <

<sup>1</sup> Ср. выше, на стр. 127—128, своеобразную аналогию по вопросу о *г* и *с*.

< ар. حساب; *harap* (Ст. Маскара) < ар. خراب; *jawar* (Новая Маскара) < ар. جواب; *itep* (Ибраево) < ар. حساب. Слово *mesit* (общее употребление) тат. *meçit* < ар. مسجد.

Арабские комбинаторные сочетания  $d + d$  в середине слова дают по-башкирски сочетание  $t$  с оглушенным  $d$ , т. е.  $t + \dot{d}$ . Обычно это бывает в именах и фамилиях арабского происхождения и отмечается как по новой башкирской, так и по русской орфографии (Мухитдинов).<sup>1</sup>

Примеры: باعداندان (Ф) < \**bagdad-dan* от корня ар. بغدادى; ماتدى (Ю, Ф) < ар. مادی; موقتهدهس (Ф) < ар. مقتّس; فخرالدین =  $\sqrt{\text{فخرالدین}}$  = *Fahrutdinuf* (Юнусово); *Jemahitdin* (Месит) < ар. جمال الدين; *Muhitdin* (там же) < ар. محي الدين; *Husnitdin* (там же) < ар. حسن الدين; *Sadritdin* (там же) < ар. صدر الدين; *Gimaditdin* (Таишево) < ар. عماد الدين; *Galantdin* (Махмудово) < ар. علاء الدين; *Bedritdin* (Дуван-Меситти) < ар. بدرالدين; *Ferhitdin* (Яушево) < ар. فرح الدين; *Kemahitdin* (Мерьянгулово-Кутуш) < ар. كمال الدين; *Ekremitdin* (Исаково) < ар. اكرم الدين; *Šiha:-bitdin* (Ибраево) < ар. شهاب الدين. Возможно, что это явление объясняется резким слогоразделением и паузой после 1-го слова: *Muhit || din*, при чем согласный в конце первого комплекса оглушался по нормальному закону (см. выше); слогоразделение это, не совсем обычное с арабской точки зрения, помогало выделить в многочисленных именах на ...*din* первую часть, носительницу реального значения.

Слово *عب*, как первая часть имен, обычно оглушается и звучит: *gaḇḇ*, а иногда *aḇ*<sup>2</sup> (у образованных слышится *‘aḇḇ*).

Примеры: *Gaḇḇilwaḥḥar* (Месит) < ар. عبد الوهاب; *‘Aḇḇilja:li* < ар. عبد العالی (Ибраево); *‘Aḇḇilba:sir* (Ибраево) < ар. عبد الباصر; *‘Aḇḇāpar* (Махмудово) < ар. عبد الغفار; *‘Aḇrehim* (Исаково) < ар. عبد الرحيم.

Остается отметить различные случаи диссимиляций в роде *garaḥ* (Исаково) < ар. ضرر; *mezlum* (Зюяково, Асы) < ар. مجنون и метатезы — *Raḡaman* [с. и.] (Ново-Юлдашево) < ар. رمضان. Ср. еще различие между

<sup>1</sup> Нечто подобное имеется в ганджинском диалекте азербайджанского языка, о чем см. мое введение к статье О. И. Шацкой: *Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan*. JA, 1928, avril — juin.

<sup>2</sup> Сокращенная форма, употребляемая в быстрой речи.

арабскими *عُمَر* и *عَمَر* в примерах: *Umir ših* [с. и.] (Ибраево) < ар. *عُمَر شَيْخ* и *Өmərdaq* [с. и.] (Мухамметово) < *عُمَر ثَوْدَاق*.

Далее идут чисто индивидуальные случаи фонетических изменений, которые трудно подвести под какую-либо общую категорию: *قیمت* (Г) < ар. *قیمت*; *تَهْ كُنْیَه* (Ф) < ар. *حَكَايَت*; *بِهْ حَمَس* (Ю) < ар. *بَحْث*; *سُنْم* (Ф) < ар. *صَنْم*; *kejbat* (Новый Картаул) < ар. *قیمت*; *hes-te* (Бишевзер) < ар. *عَبَسَى*; *خالص* + *ده*; *Gajsa* [с. и.] (Аисово) < ар. *عَبَسَى*.

Что касается морфологии, то башкирский язык, как и вообще турецкие, заимствует обыкновенно арабские имена и глаголы; категория частиц в живой башкирской речи обыкновенно не встречается, а в литературной — служит критерием образованности ее автора. Арабские неправильные множественные числа заимствуются, как отдельные слова, и в речи неграмотного населения попадают редко. Арабский определенный член *آل* встречается в середине целого комплекса (в роде сложных арабских имен), причем «васловый элиф» по-башкирски заменяется чаще всего гласным типа *î* и *?* — реже губным гласным, в зависимости от всего окружения гласных, например: *Abdolmomin* < ар. *عبد المؤمن*. Из категории глагола заимствуются, как и естественно, причастия и «масдары». Последние в связи со вспомогательными глаголами типа ‘делать’ и ‘быть’ образуют, как и во всех турецких языках, сложные глаголы действительного и страдательного спряжения, например: *تَالَابْ ئَيْتَه* ‘он требует’ (собственно: ‘требование делает’), *حَارَابْ بُولَا* ‘он разрушается’ (собственно: ‘разрушением становится’). Реже употребляются другие глаголы, как например, *garrar kürdüm* ‘потерпел (собственно: ‘увидел’) убыток’. Подобная категория сложных глаголов необычайно развита в османском языке; в башкирском же, как мы упоминали в ЗКВ, IV, схема эта сохраняется, но составные элементы уже другие: место арабского «масдара» занимает русский инфинитив: *prikazaŭ ite* ‘приказывает’ (собственно: ‘приказать делает’). Здесь, таким образом, особенно рельефно выступает тот факт, что в современном словаре башкирских варваризмов происходят передвижения: руссизмы решительно и бесповоротно вытесняют арабские элементы.

Факты семантического порядка в вопросе о башкирских арабизмах никем еще не учитывались детально, хотя эти факты, быть может, относятся к числу самых интересных во всей проблеме. В то время, как



в османистике трудами М. Bittner'a и отдельных лексикографов установлены десятки примеров, здесь мы можем предложить только несколько случаев в надежде, что кропотливая работа по этому отделу будет кем-либо и когда-либо расширена.

Арабское رحمت, произносимое *rehmet* (реже в диалектах: *rehmet*), всюду в Башкирии и Татаристане (отчасти в Узбекистане) имеет значение 'спасибо'; в османском, наоборот, оно сохраняет первоначальное арабское значение: 'pitié; miséricorde; pardon accordé par Dieu aux morts' (Samybeu, 1911, 618).

Слово حق, произносимое *haq*, вместо многочисленных арабских значений, чаще всего ассоциируется с понятием 'цена' (то же и в поволжско-татарском и, отчасти, узбекском); *ni haq* 'сколько, почём'?

Слово *qimmet* (диалектически: *kejbat*), восходящее к арабскому قيمت ('ценность, стоимость, цена'), у башкир (а также у татар Поволжья и узбеков) означает 'дорогой', 'дорого'.

Выражение *kejbet* (~ *hej<sup>b</sup>et*), восходящее, повидимому, к арабскому هَيْبَت 'величие, грозный вид',<sup>1</sup> у башкир (а также татар Поволжья) имеет значение: 'хороший, — о', 'великолепный, — о'. Слово это настолько распространено, что в некоторых районах (Мясогутовский кантон) вытесняет общетурецкое *jahšä*.

Арабское وفات ('смерть'), произносимое *wafat*, иногда приобретает значение прилагательного или причастия, например: *ul wafat* 'он умер' (собственно: 'он — умерший'). Конструкция создалась в силу пропуска нормального вспомогательного глагола بولعان.

Слово *inžil*, которым по-арабски обозначается христианская книга под названием 'евангелие' (انجيل), в Мырзаларской волости Мясогутовского кантона обозначает «Ильин день» (= 20 VII ст. ст.), одинаково празднуемый и русскими и башкирами, при чем в этот день устраивается традиционная ярмарка.

Слово *jemaĵat*, восходящее к арабскому جماعت, в Мясогутовском кантоне зарегистрировано нами со значением: 'жена, супруга'.

В выражении: *hikmet anda tigil* (Новая Маскара) слово حكمت имеет несколько отличный от арабского смысл, так как вся фраза означает: 'суть (дело) не в этом'.

<sup>1</sup> Здесь ощущается посредство мусульманских схоластических сочинений на чагатайском языке. Последний фактор всегда надо учитывать.

Слово *seber* < ар. سبب (причина) по-башкирски иногда означает 'возможность'. Ср., например, в известной песне о Буран-бае: *his bir seber bulmaj qajtuğa* 'нет никакой возможности вернуться'.

Слово استهلاك ('исключение') по-башкирски употребляется в смысле 'потребительская кооперация' (!); производное отсюда مستهلك означает: 'потребитель, член потребительского общества'. Возможно, что это — переводный термин с русского, при чем для переводчика не вполне ясна была разница между русскими словами: 'истребитель' и 'потребитель'. Термин встречает возражение со стороны некоторых интеллигентных башкир.

Итак, в новой для теоретического анализа области башкирских арабизмов нам удалось наметить и установить лишь самые общие категории; мы постарались типизировать все те явления, которые поддаются синтезу при современном состоянии материала и могут быть связаны с тем или иным грамматическим процессом. Случаи, которые остаются пока вне этих рамок, подлежат дальнейшей разработке; их объяснение — в будущем, так как и сама проблема, затронутая нами в настоящей статье, найдет себе полное решение только в будущем.

Н. Дмитриев.

Сентябрь, 1929.